

**Общее и особенное в становлении
и функционировании систем власти в республиках
в составе Российской Федерации
(на материалах Татарстана и Удмуртской Республики)**

Общее. Формирование властных институтов в республиках в составе Российской Федерации имело две основные задачи. Во-первых, приспособить структуру власти к переменам во взаимоотношениях с федеральным центром в условиях разваливающегося Союза и борьбы "федералистских" тенденций в государственном строительстве России с "унитаристскими". При этом политическая элита той или иной республики, как правило, находящаяся на более консервативных позициях, нежели "российские реформаторы", стремится минимизировать изменения в кадровом составе и социальном статусе представителей старой политической элиты региона.

Второй задачей, судя по всему, является приспособление властных институтов к изменениям в социальной структуре общества. При этом существует стремление к сохранению статус-кво в обладании реальными властными рычагами.

Мнимая, по сути, многопартийность в регионах, которую скорее можно назвать вариативностью политических центров внутри региональной элиты создает своеобразный сценарий политического процесса, участниками которого являются несколько ролевых групп. Первые ставят своей целью занятие места среди причастных к власти, вторые способствуют им в этом (постепенно это становится для них чем-то вроде профессии), и третьи обеспечивают политическую работу первых и вторых материально и организационно, рассчитывая на причастность к пожинанию плодов побед в политической баталии. При этом группа претендентов на властные посты стремится быть максимально постоянной, благодаря чему формируется слой профессиональных политиков, профессиональных государственных деятелей, объединяемых общими задачами постоянного воспроизводства своего социального статуса. Отношения между указанными ролевыми группами становятся регулярными.

Однако такие политические альянсы при мажоритарной системе выборов в органы власти субъектов Федерации, сплоченности

политических элит приводит к ситуации, когда так называемая политическая партия является лишь некой условностью, одним из приспособлений в достижении главной цели — сохранения политического режима и собственного статуса.

Приобретая собственные интересы, политическая элита республик при конструировании структуры властных институтов, исходит в том числе и из целей приобретения максимума независимости от федерального центра, приобретения большей свободы в распоряжении материальными и организационно-правовыми ресурсами региона. Для этого она стремится установить в своей республике режим, при котором властные рычаги стабильно находятся в ее руках и работают безотказно, а у избирателей сформировать приоритет интересов региона перед интересами той или иной политической партии. Для чего, очевидно, необходимо установление консенсуса внутри элиты и формирование политической мифологии, основанной на некоторых "региональных ценностях". В результате решения этих задач региональные элиты приходят к вполне управляемой ситуации, при которой они могут обеспечивать воспроизводство своего положения и даже состава.

К весне 1995 г. в Татарстане и Удмуртской Республике эти задачи были решены. Произошла фактическая централизация власти, сняты противоречия между законодательной и исполнительной властью, что можно было бы с большей точностью назвать слиянием двух ветвей власти. В результате проведенных в этот период выборов в местные парламенты произошла селекция их членов. Из состава парламентов фактически были исключены представители как "демократического", так и крайне националистического лагеря.

Особенное. В результате строительства властных институтов в Татарстане сложилась президентская форма правления, а в Удмуртии — парламентская. Впрочем, применять данные термины по отношению к реалиям этих республик, скорее всего, следует со значительной осторожностью. В отличие от Татарстана, где фигура президента стала центром консолидации региональной элиты, президентская власть и предполагаемая персоналия стали возможной причиной развала намечаемого согласия в рядах правящих кругов Удмуртии. Именно для предотвращения такого развития событий в Удмуртии было принято решение отказаться от института президента. Впрочем, полномочия высшего должностного лица в республике, председателя Государственного Совета, достаточно широки и сравнимы с президентскими, даром что избирается он парламентом. Решение это было принято, несмотря на уже наметившийся курс на введение президентского поста (принятие соответствующих законодательных актов и т.п.). Избрание Александра Волкова председателем Государственного Совета Удмуртской Республики летом 1995 г. ознаменовало

завершение воспроизводства старой политической элиты Удмуртской Республики в новых правовых и политических условиях.

В Удмуртии предполагался двухпалатный парламент, верхняя палата которого формировалась бы из представителей административных единиц республики, но от этой идеи пришлось отказаться ввиду того, что республиканский Закон о местном самоуправлении создал предпосылки к росту политических амбиций избираемых глав местного самоуправления (прежде всего мэров городов, особенно столицы республики Ижевска) и их окружения. Это никак не могло способствовать единству истеблишмента Удмуртии. В результате Государственный Совет Удмуртии состоит из одной палаты (в отличие от Государственного Совета Татарстана) и до 30% его состава получили возможность работать на постоянной основе.

На самом деле отличия между политической системой Татарстана и Удмуртской Республики заключаются не в видимом различии их систем властных институтов, а в структуре политического общества и особенностях политической культуры. Векторы же развития структуры власти достаточно сходны. И там и здесь можно говорить о стремлении политических элит двух республик к установлению жесткой и централизованной власти, авторитарного режима. Отличия же заключаются в траектории движения к этому. Путь Удмуртии более долог и "тернист". Однако уже сегодня можно констатировать тенденции к персонификации власти в республике в лице Александра Волкова и вторжению власти региона в прерогативы местного самоуправления и экономических субъектов.